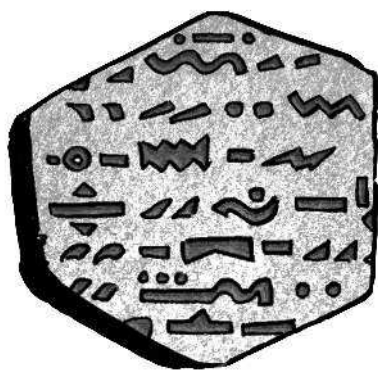

ЧЕЛОВЕК-ПАУК

ВЕЧНАЯ ЮНОСТЬ

MARVEL

RAMOS
FAUCHER

ЧЕЛОВЕК-ПАУК

ВЕЧНАЯ ЮНОСТЬ

СТЕФАН ПЕТРУЧО

MARVEL

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
П30

SPIDER-MAN: FOREVER YOUNG
Stefan Petrucha

Originally published in the English language
by MARVEL WORLDWIDE, INC.,
a subsidiary of MARVEL ENTERTAINMENT, LLC.,
under the title **Spider-Man: Forever Young** prose novel

EDITOR: STUART MOORE
VP OF PRODUCTION & SPECIAL PROJECTS: JEFF YOUNGQUIST
ASSISTANT EDITOR: CAITLIN O'CONNELL
ASSOCIATE EDITOR: SARAH BRUNSTAD
DIRECTOR, LICENSED PUBLISHING: SVEN LARSEN
SVP PRINT, SALES & MARKETING: DAVID GABRIEL
EDITOR IN CHIEF: C.B. CEBULSKI
CHIEF CREATIVE OFFICER: JOE QUESADA
PRESIDENT: DAN BUCKLEY
EXECUTIVE PRODUCER: ALAN FINE

Печатается с разрешения компании *Marvel Characters B.V.*

Петручо, Стефан.

П30 Человек-Паук: Вечная юность : [роман] / Стефан
Петручо ; [пер. с англ. Дмитрия Старкова.] — Москва:
Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Вселенная
MARVEL).

ISBN 978-5-17-117032-5

В надежде заработать на нескольких снимках своего паучьего альтер эго в действии, Питер Паркер отправляется на поиски неприятностей — и находит их в виде таинственной мифической каменной скрижали, которую жаждут заполучить и Кингпин, и Маггия! Преследуемый самыми гнусными злодеями Нью-Йорка, Питер портит отношения и с друзьями, и с полицией. И его девушка, Гвен Стейси, тоже им недовольна.

Казалось бы, все разрешилось, но прошлое настигает Питера годы спустя: главарь Маггии, считавшийся мертвым, возвращается и продолжает погоню за пресловутой скрижалю! Вдобавок тетя Мэй — на пороге смерти. Неужели удача изменила старине Паркеру навсегда?

Читайте роман, основанный на классической «Саге о каменной скрижали», называемой «звездным часом Стэна Ли и Человека-Паука»!

ISBN 978-5-17-117032-5

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

© 2019 MARVEL

*Посвящается Стэну Ли, без которого...
...ну, сами знаете.*

**Как молния среди глубокой ночи,
Она быстра — блеснет и озарит
Пред взорами и небеса, и землю,
Но прежде чем успеет человек
Сказать «смотри!» — уж снова бездны мрака
Все поглотят. Так быстро на земле
Все светлое в хаосе исчезает!**

У. Шекспир, «Сон в летнюю ночь»,
пер. Н. М. Сатина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЮНОША

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАЖАВ пальцем на ладонь, Питер Паркер тут же ухватился за толстую нить паутины, вылетевшую из сопла паутиномета на запястье. Нить туго натянулась, он взмыл в воздух и понесся вперед с такой скоростью, что весь Нью-Йорк Сити внизу превратился во множество разноцветных расплывчатых пятен.

Смерть дяди была не единственной причиной, побудившей Питера встать на борьбу с преступностью в образе Человека-Паука. Ему просто нравилось все это. Летать, пикировать вниз, прыгать, подтягиваться, перескакивать с крыши на крышу, карабкаться по отвесной стене — все это было так здорово! Притворяясь обычным «среднестатистическим» Джо, он чувствовал себя точно бегун, вынужденный ходить в свинцовых башмаках. Нет, образ обычного человека не мешал ему быть самим собой — просто образ Паука предоставлял для этого куда больше возможностей.

Однако в тот вечер на душе было так тяжело из-за проблем с деньгами, что даже самые дикие взлеты, прыжки и падения не помогали расслабиться. Несмотря на остроту ума, сумевшего создать полимер, превращающийся в паутину, которой стреляли его паутинометы, несмотря на соответствующую уму силу, быстроту и ловкость, приобретенные еще школьником после укуса радиоактивного паука, Человек-Паук никак не мог отделаться от мыслей о том, что ему не удастся.

«Поверить не могу, — думал он. — Я продал скутер, но все равно не могу позволить себе пойти на какой-нибудь убогий фильм — даже на утренний сеанс за полцены! Не говоря уж об учебниках, о еде, и тем более — об аренде жилья».

Описав в воздухе огромную дугу, точно маятник, он разжал пальцы и отпустил нить. Недолгое ощущение полета — и Питер прилип к белой кирпичной стене старого, еще довоенной постройки, здания.

«Хорошо, что в квартире Гарри есть вода, не то мог бы и умереть от жажды».

Устроившись на углу карниза, он одернул маску и расправил складку, из-за которой чесался затылок.

«Мужайся, Паркер! На свете полно тех, у кого нет даже чистой воды!»

Он оглядел безмолвные здания, улицы, ярко освещенные фонарями тротуары, но не нашел ничего примечательного. Как же так? Обычно, придя в настроение поболтать, он всегда мог рассчитывать на собеседника — на какого-нибудь негодяя с напыщенным «Я уничтожу тебя!» или уличного грабителя с отвисшей челюстью: «Обалдеть! Человек-Паук!».

Но сегодня, в ночной тишине, призвать к ответу было некого — кроме себя самого.

«И что же теперь? Надеяться на то, что кто-то нарушит закон, чтобы получить шанс сделать несколько снимков для «Бьюгл»? Ну, да... что-то вроде того».

Питер внимательно прислушался — вдруг сквозь шум большого города пробьется крик о помощи? Но даже поток машин двигался легко и свободно. Осмотр района не принес ничего, кроме пары неправильно припаркованных автомобилей. Больше, насколько он мог судить, в Нью-Йорк Сити — впервые за всю его историю — не наблюдалось ни единого правонарушения.

Мало-помалу пришло время окончания последних киносеансов и театральных представлений. На тротуары выплеснулись компании друзей и влюбленные пары...

«Пора направляться домой, пока Гарри не вернулся со свидания с Эм-Джей. Не стоит соседу с подружкой видеть, как я возвращаюсь домой через окно».

Выбрав кратчайший путь, Питер понесся над громадами складов Портновского Квартала. Приземлившись на крышу одного из самых старых, он почувствовал легкую дрожь, зародившуюся в кончиках пальцев рук и ног, растекшуюся по конечностям и слившуюся в одно целое у поясницы. Паучье чутье, предупреждавшее его о близкой опасности, обычно било тревогу куда сильнее, порой заставляя его прыгнуть еще до того, как он успевал понять, откуда грозит опасность. Но на сей раз это было больше похоже на мурашки по коже от прохладного бриза, на смутную тень беспокойства.

«Мне так не терпится взяться за дело, что вскидываюсь по поводу и без... Паркер, когда ты, наконец, повзрослешь?»

СТОЯ в одиночестве внутри обветшавшего здания, восьмидесятидевятилетний Сильвио Манфреди размышлял о том, что ему уже давным-давно ни к чему — да и некуда — расти. Уличной кличкой — Сильвермэйн, то есть «Седовласый» — было сказано все. Он был главой Маггии, крупнейшего преступного синдиката в городе. Он был доминантой, альфасамцом, и — уже не первый десяток лет — желанной добычей для тех, кому не терпелось занять его место.

При его роде занятий любое проявление слабости означало смерть. Сильвермэйн не мог позволить себе просто быть наверху — тут требовалось, чтобы это видели все и во всем, вплоть до одежды. Правильно

выбранный деловой костюм означает влияние. Правильно выбранное оружие показывает, что его хозяин умеет с ним обращаться. Вот почему он, в глубине души скучая по старой шляпе-хомбургу, темно-серому костюму в полоску и двцветным ботинкам, носил последние модели костюмов от Бриони; вот почему вместо старого доброго томми-гана всегда таскал при себе симпатичную маленькую штучку, способную выпустить 420 пуль в секунду.

К тому же жизнь научила его чутя опасность. Поэтому, когда его поверенный, Цезарь Цицерон, адвокат с лицом мопса, начал умолять его не ходить на этот склад самому, да еще без охраны, он лишь фыркнул, раздув ноздри. Добрый совет? Ага, конечно, вот только в словах адвоката всегда есть и второй смысл. Амбициозный Цицерон, правая рука Сильвермэйна, нащупывал слабину, выискивал признаки старческой слабости в ожидании своего часа.

Но Сильвермэйн не купился на это. Городские закоулки скрывали трупы сотен лопухов, имевших глупость доверить важные дела, наподобие сегодняшней встречи, какому-нибудь лакеишке. Уж Сильвермэйн-то знал. Половину этих лопухов он отправил на тот свет сам.

Поэтому, несмотря на боли, потрескивающий при ходьбе бедренный сустав и изношенное сердце, грозившее прикончить его вернее пули наемного убийцы, Сильвио Манфреди отправился сюда сам, один, наотрез отказавшись взять с собой хотя бы одного телохранителя.

Будь это ловушкой, он бы почуял опасность.

Но минуты шли, он ждал в одиночестве, и мало-помалу холод пробрал его до костей, заставив признать, что слабину, конечно, выказывать — не дело,

однако смерть есть смерть. Рано или поздно наступит час, когда доверяться притупившимся с возрастом инстинктам станет не лучшей из идей. По пути сюда он трижды забывал адрес. А заглядывая в блокнот, в который записывал особую информацию, какую только дурак доверил бы всем этим цифровым как-их-там, едва мог разобрать собственные каракули.

Опасаясь, что у него опять трясутся руки, он вытянул руку вперед. Рука была достаточно тверда, но кожа на пальцах, когда-то способных переламывать кости, была так сморщена, что ему тут же вспомнилась бабка.

От одной мысли об этой ведьме сделалось тошно. Будь с Сильвермэйном кто-нибудь из его людей, он ударил бы его — только бы вытряхнуть из головы эти воспоминания. Когда его мать погибла, собственным телом заслонив сына от пули сицилийского мафиозо, явившегося свершить вендетту, маленький Сильвио был отослан к единственной живой родственнице. Эта старая карга никогда не была молодой, а к моменту их знакомства и вовсе окаменела, как надгробие. И ее первые слова были — точно плевок в лицо:

— Се нон фоссе пер те, миа филья сареббе анкоравиво!

«Если бы не ты, моя дочь была бы жива!»

Не в силах сжать в кулак пораженные артритом пальцы, она била его деревянным черпаком. А по ночам, думая, что он не слышит, пела себе колыбельную — мелодию, памятную ей со времен сурового детства в деревне, где выживали только шустрые и сильные, а умение выжить ценилось превыше всего.

Нам говорят: мы рождены для смерти.

«Какая чушь! — отвечу я. — Не верьте!»

Кто правду знает, никогда не станет стар:
Он пьет и пьет чудесный юности нектар!

Со временем старый деревянный черпак сломался. Тогда бабка отняла у Сильвио несколько оставшихся у матери медяков и купила новый, стальной. Через год ежедневного битья сломался и этот.

И тогда бабка, потрясая сломанным черпаком, сказала:

— Анке сарай ла миа морте!

«Ты и меня сведешь в могилу!»

И когда она, наконец, умерла от обширного инфаркта, он от души надеялся, что это из-за него.

Сильвермэйн задумался, стараясь припомнить второй куплет, но за спиной послышался кашель. Он резко обернулся. Лицо стоявшего позади было укрыто под капюшоном плаща. Должно быть, он вошел, пока Сильвермэйн был поглощен дурацкими грезами. Такой ошибки больше нельзя было себе позволять: новоприбывший уже подошел слишком близко, и Сильвермэйн не мог чувствовать себя в безопасности.

— Ты опоздал, — не показывая удивления, усмехнулся Сильвермэйн.

Вошедший едва ли не пренебрежительно пожал плечами под ярким желто-зеленым плащом. Вероятно, его костюм должен был отвлечь внимание от лица, скрытого под слишком просторным капюшоном лишь частично.

Голос его звучал басовито и хрипло, определить по нему возраст оказалось затруднительно.

— По улицам прошел слух, будто ты приведешь с собой компанию. Мне требовалось убедиться, что ты один.

Манфреди изобразил обиду на лице.

— Думаешь, я стал бы нарушать слово?

В ответе презрение прозвучало яснее ясного:

— Судя по тому, что я знаю о твоём прошлом, ты до сих пор жив не в последнюю очередь потому, что держал слово только тогда, когда это было в твоих интересах. Рад, что тебе хватило ума понять, что это в твоих интересах и на сей раз.

Сильвермэйн едва заметно улыбнулся и шагнул ближе.

— Твоя информация о Кингпиновом графике перевозок оказалась чистым золотом. Тебе нечего бояться Маггии, э-э... как мне тебя называть?

— Махинатор.

Чтобы удержаться от смеха, Сильвермэйн пососал зуб — и высосал из дупла кусочек курятины, застрявший там за обедом.

— Окей. Хочешь — зовись хоть Леди Гагой. Итак, теперь, когда мы знаем друг друга лучше, что я могу сделать для тебя, Махинатор?

— Вопрос, скорее, в том, что я могу сделать для тебя, — человек в плаще протянул Сильвермэйну толстую папку. — Знаю, ты предпочитаешь распечатки.

Прочсть мелкий шрифт было тяжело, но, едва разобрав заголовки, Манфреди вновь почувствовал себя молодым.

— Это же вся дилерская сеть Фиска! Правильно разыграв это, я могу разделаться с ним навсегда! — Сильвермэйн сузил глаза. — Что тебе сделал Кингпин? Убил твою милую?

— Это мое дело.

— Конечно, конечно, твое. Вот только...

Кроме всего прочего, жизнь научила Манфреди не доверять никому, не зная его слабых мест. Поэтому он, изобразив старческую слабость в коленях, кач-